

в Причерноморье и далее на юг Западной Европы приходится на III-V вв. н.э. На Урале процесс макро- и микромиграций растянулся до VI в., а в некоторых районах до VIII-IX вв. Степи Урала послужили коридором, по которому вслед за гуннами проследовали волны кочевников: авар, сарагулов, угров, савиров, печенегов, огузов, кипчаков. По этноязыковому составу мигрирующие группы были разными: угры, венгры, турки, самодийцы.

Стабилизация уральских обществ в VI-IX вв. способствовала восстановлению древних торговых путей. Через Кавказ по Волге и Каме в Приуралье поступали украшения и серебряные сосуды из Египта и Византии; через Среднюю Азию, Южный Урал — сасанидское серебро. Предметом обмена, видимо, была пушнина. В VII-IX вв. возрождаются обменные операции прото-удмуртов с народами юго-восточной Европы. Усилились межэтнические культурные контакты финно-пермских народов с волжскими финнами (прото-мери, мордвой, мари). С образованием в IX в. Булгарского государства на Волге ремесленники и купцы Болгара стали основными посредниками культурных и торговых связей таежного уральского и западно-сибирского населения со степным европейским и лесным славянским мирами. С X-XI вв. определился и второй путь торговли — западный по Сухоне, Северной Двине и Вычегде с землями прибалтов и западных финнов.

По данным письменных источников, с конца XI в. славянские дружины эпизодически проникают к народам Северного Урала для сбора дани "мягкой рухлядью". С XII в. начинается активное продвижение русских в земли Перми вычегодской и освоение бассейна Вятки. В конце XIV-XV вв. русское население проникает в Верхнее Прикамье и Зауралье, подготавливая активную колонизацию края в конце XVI-XVII вв.

V.D.Viktorova, V.N.Shyrokov, A.Ph.Shorin

THE URALS IN ANCIENT EURASIAN CULTURAL TIES

Summary

Thanks to its considerable sub-meridional extent, the Urals is the unique geographical region from the viewpoint of combination of landscapes, richness of entrails, flora and fauna. This area is not only the natural border between Europe and Asia, but "tightens" so different worlds of the North and South, East and West. For centuries the Ural region attracted the man by its strategic sources of raw materials and its possibility to adapt to changes in environment and to have multi-branch economy. Border position of the Urals predetermined, on the one side, its numerous contacts; on the other side, there was not only accumulation of cultural traditions but formation of new cultural impulses. During different epochs aims and character of cultural ties of the Ural population had changed, but the importance of the Urals for the processes of culturegenesis of peoples of the Northern Eurasia had been the same for the whole period sources from the Upper Palaeolith to the period of the Russian colonization of the area. Some of them are analyzed in this article.

Н. А. Миненко
(Екатеринбург)

РУССКАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

(XVIII — первая половина XIX века)

У русских — крупного народа, расселенного на значительной территории, в рамках единой национальной культуры исторически складывались локальные культурные особенности. Если говорить о восточных регионах, к которым относятся Урал, Сибирь, российский Дальний Восток, то здесь формирование русского населения происходило в ходе массовых перемещений его с запада. В Приуралье русские поселения возникают уже в XV в., но впечатляющие масштабы русская колонизация восточных земель приобретает со второй половины XVI столетия. Перевалив через Уральские горы, основывая города, остроги, слободы, деревни и заимки по всем крупным рекам Сибири, к середине XVII в. русские вышли к побережью Тихого океана. В XVIII в. переселенцами активно осваиваются южные районы Урала и Сибири. Миграционные потоки с запада на восток не пресекаются и в первой половине XIX столетия. При этом середина XIX в. в этнодемографическом развитии восточных регионов имела значение определенного рубежа. Так, Р.Г.Кузеев пришел к выводу, что в Волго-Уральской исторической области (Среднее Поволжье и Южный Урал) к середине XIX в. "сложились те контуры расселения народов", которые "с небольшими изменениями сохранились до середины XX в.", а также определились "основные демографические соотношения между различными народами", ставшие "одним из крупных факторов, воздействующих на направление этнокультурных

процессов"². В новейшей сибиреведческой литературе получила подтверждение точка зрения С.В.Бахрушина, считавшего середину XIX в. "гранью" и в "истории колонизации Сибири"³.

В формировании русского населения Урала и Сибири (включая Дальний Восток) в рассматриваемый период приняли участие выходцы из разных областей Европейской России. Первоначально, во второй половине XVI — XVII вв., в составе переселенцев заметно преобладали севернорусские черносошные крестьяне и жители посадов из уездов Европейского Севера. Вообще в России в то время колонизационные движения имели два основных направления: "крепостные светских и духовных феодалов центральной полосы... уходили на территории южных уездов, Поволжья и Дона", а черносошные крестьяне, обитавшие преимущественно в Поморье, "заселяли Урал и Сибирь"⁴. Даже среди переведенцев-служилых людей явно доминировали северноруссы. Об этом писал еще сибирский историк XIX в. П.А.Словцов, автор "Исторического обозрения Сибири". "Сибирский говор, — утверждал он, — есть говор устюжский, подражатель новгородского. Сибирь обыскана, добыта, населена, обстроена, образована все устюжанами и их обратней... Устюжане дали нам земледельцев, ямщиков, посадских, соорудили нам храмы и колокольни, завели ярмарки, установили праздники Устюжских Чудотворцов, вошли как хозяева в доверенность у инородцов... По какому-то жребию единообразия даже казачьи команды пополнялись из таких городов, где говорили тем же наречием. Стефан Великопермский, по плоти устюжанин, низлагая с 1383 по 1397 г. идолов угры и печоры, пермяков и зырян, кажется, с берегов Выма благословил путь к востоку своим землякам, даже до Баранова, перенесшего устюжскую образованность на берег Америки"⁵. О севернорусском происхождении большинства сибирских ратных людей XVII в. говорит и современный исследователь Н.И.Никитин⁶.

Однако уже на раннем этапе среди русских переселенцев на Урал и в Сибирь было немало выходцев из Верхнего и Среднего Поволжья, центральных областей страны. Г.Н.Чагин пишет о "массовой миграции" на Урал в конце XV — начале XVIII в. "среднерусского населения", в связи с чем по языку и культурно-бытовым чертам насельники, например, Южного Прикамья, бассейнов Пышмы, Исети, верховьев Чусовой и Уфы "имели аналоги уже в среднерусской этнографической зоне"⁷. В пополнении первых гарнизонов Сибири заметную роль, помимо центральных районов, играли Дон, Терек; среди сибирских служилых людей конца XVI — XVII в. оказывались и ссыльные — выходцы из-за рубежа: "литва", "черкасы", "немцы"⁸.

В XVIII столетии, особенно во второй его половине, когда интенсивно шло освоение русскими Южного Урала, южных районов Сибири, в составе переселенцев стали преобладать выходцы из центра страны (Владимирская, Московская, Нижегородская и др. губернии); многие колонисты происходили из Казанской, Симбирской, Пензенской губерний (Среднее Поволжье). В Сибирь с 1760 г. в большом количестве начали ссылать помещичьих крестьян, главным образом, "из средней и южной Великороссии"⁹. Наконец, в первой половине XIX в. основную массу русских переселенцев из Европейской России стали составлять выходцы из более южных губерний — Воронежской, Курской, Рязанской, Тамбовской, а также из Малороссии. Вместе с тем продолжалось движение "сходцев" из центра страны и с Русского Севера¹⁰. Очень пестрое по своему территориальному происхождению пополнение получали горнозаводские округа Урала. По этому поводу известный этнограф Д.К.Зеленин писал: "Пермский Урал заселен русскими в позднее, сравнительно, время, и в заселении его участвовали выходцы из самых различных краев. Тульские и иные кузнецы были вызваны сюда на железные заводы; крепостные разных губерний переведены сюда помещиками на новые земли и также для работы на заводах; они же и бежали сюда от тягот крепостного права; староверы притекали сюда, избегая религиозных преследований; многие застряли здесь на пути в богатую Сибирь; отхожие промышленники шли сюда на работу и иногда оседали здесь. Южновеликоруссы здесь перемешались с северновеликоруссами, отчего и произошла сильная пестрота местных говоров: акальщики настойчиво перемешаны с окальщиками. В Верхнем Кыштымском заводе... одна улица слывет "Симбирка", вторая — "Межигородка"; обитатели первой выселились из Симбирской губернии, второй — из Нижегородской... Крестьяне села Метлина... переселены сюда помещиком из Саратовской губернии. Предки... всех коренных жителей Нижне-Сергинского завода жили некогда, вероятно, в Тульской губернии, откуда и принесли свой акающий говор"¹¹. Впрочем с подобным явлением исследователям приходилось встречаться и в Сибири, где сплошь и рядом в одной и той же деревне оказывались "жители разного происхождения и с разными наречиями и говорами"¹².

Таким образом, на территории Урала и Сибири в рассматриваемый период столкнулись, вступили во взаимодействие локальные черты культуры, бытовавшие в среде русского населения севернорусских, центральных (среднерусских) и южнорусских областей. Надо учитывать также иноэтничный компонент, в частности украинцев и белоруссов, которых немало выселилось в восточные регионы страны, где они к середине XIX в. "до такой степени перемешались с великороссиянами, что большей частью едва ли сохранили свои племенные особенности"¹³. На Тагильских заводах, например, по свидетельству Д.Н.Мамина-Сибиряка, насчитывалось более трех тысяч "хохлов"; были заводы и деревни, населенные только ими (Верхне-Салдинский завод, дер. Салка, Бобровка). Один из знакомых Мамина-Сибиряка — Хома Чапан рассказывал, что

был "пригнан" на Урал из Малороссии в конце 1820-х гг. ("Хохлы уверены, — пишет Мамин-Сибиряк, — что они проиграны графом Разумовским одному из Демидовых"). Заводской поселок, где жил Хома, наполовину был населен потомками беглых раскольников, на четверть — туляками и еще на четверть украинцами: "в одном заводе, — замечает Мамин-Сибиряк, — сошлись великая, малая и северная Россия". При этом "хохлы" почти полностью со временем утратили черты прежней культуры. "По внешнему виду с непривычки не отличить хохла от туляка или от кержака, — заключает наблюдатель, — те же кафтаны из толстого сукна, те же шубы и полушубки, шапки зимой и шляпы летом, даже женщины, за самыми редкими исключениями, почти бесследно утратили свой живописный костюм и шеголяют в русских сарафанах, подвязывают длинный передник под самые мышки и носят на головах платки. Только самые "древние" старухи ходят иногда в белых рубахах с широкими рукавами". Старики еще говорили на "испорченном полурусском языке", а молодое поколение "сохранило только несколько слов из малорусского языка да мягкое произношение букв "г" и "л"¹⁴. Растворяясь в великорусской среде, переселенцы из Украины и Белоруссии оказывали все же на эту среду определенное культурное влияние.

Надо также учитывать взаимодействие русской этнокультурной традиции с культурами коренных народов восточных регионов, переселенцев из народов Поволжья и пр. Применительно к Сибири об этом много писали дореволюционные авторы. А.П.Щапов первым выдвинул идею о "народнении" к востоку от Урала в результате "смешения", "скрещивания" переселенцев с местными народами нового регионального "европейско-сибирского" "поколения русского народа"; особой "областной разновидностью великорусского народа"¹⁵. В дальнейшем сибирские областники, перенявшие точку зрения Щапова, дошли до утверждения о полном отрыве русских жителей Сибири от "материнского корня", утрате ими важнейших черт традиционной культуры и складывании за Уралом особого этнического типа со специфическим культурным обликом¹⁶.

Несостоятельность подобных выводов была доказана позднейшими исследователями. Однако остался вопрос: можно ли говорить о возникновении на Урале и в Сибири к середине XIX в. региональных этнографических зон русского народа? Известно, например, что именно в результате взаимодействия севернорусской и южнорусской этнокультурных традиций в среднерусской полосе (главным образом, в междуречье Оки и Волги) сложилась переходная средневеликорусская этнографическая группа русских — в ее культуре оказались "как бы сплавлены в единое целое северные и южнорусские черты"¹⁷. Если говорить о Сибири, то некоторые факты вроде бы свидетельствуют в пользу утверждения о складывании здесь особой культурной общности русского народа. Имеются, конечно, в виду старожилы. Так, В.И.Даль заключал, что к середине XIX в. "вся разнородность" русских насельников Сибири "сплавилась по наречию в одно: у сибиряков урожденных свой особый говор, от которого отличаются говором все прибывшие, русские, как называют их там для отличия сами коренные (русские — Н.М.) жители". "Сибирское наречие", по словам Даля, "составилось из смеси новгородского с владимирским". Однако, "пересматривая все признаки" этого наречия, автор неожиданно заявляет, что среди них "едва ли есть такие, которые бы принадлежали ему исключительно и не встречались бы, более или менее, и в других...". "Чего вместо что, ну вместо да; образование особого вида наречий прибавкою частицы во, вопрос чьих вы — вот те незначительные признаки, которые остаются исключительно на долю Сибири", — делает Даль окончательный вывод¹⁸.

Некоторыми общими особенностями отличался и "характер" русских старожилов Сибири. Отмечаются такие свойственные ему черты, как предприимчивость, настойчивость в выполнении поставленной цели, хорошая ориентировка в обстановке, неустранимость, находчивость и пр. Эти особенности были порождены спецификой местных природно-климатических, хозяйственных, социальных условий. Практическое отсутствие в Сибири помещиков, крепостного права сказалось на мировоззрении русских жителей — не случайно за Сибирью установилась слава "страны ябедников, истцов и челобитчиков"²⁰.

Все отмеченное не позволяет, однако, сделать вывод о том, что в рассматриваемый период на территории Сибири сложилась самостоятельная региональная этнографическая зона русского народа. Огромные размеры Сибири, существенные различия в условиях жизни в разных ее районах, ходе их колонизации, этнической ситуации обусловили возникновение здесь целого ряда локальных этнографических (историко-культурных) групп русских. Авторы "Полного географического описания нашего отечества" даже заключали, что в Сибири "каждый уголок представляет свой этнографический тип"²¹.

Нет оснований говорить о формировании региональной историко-культурной общности русских и на Урале. Внутренние различия в этнокультурном облике русского населения Урала оказывались еще более разительными. Исследователи выделяют здесь несколько этнографических групп²² русского народа: уральских казаков, горнозаводских жителей, насельников Приуралья. Г.Н.Чагин пришел к выводу, что в русской среде Среднего Урала (Пермская губерния) "шли консолидационные процессы, завершившиеся образованием (к середине XIX в. — Н.М.) компактной и зрелой в этническом отношении группы населения",

являвшейся "частью русской нации"²³. Д.К.Зеленин выделял несколько этнографических групп среди русского населения Вятской губернии²⁴. В.И.Даль писал о существенных различиях в "наречиях" русских уральцев. Вятку и Пермь он, например, относил к "новгородскому наречию", но в этих губерниях "местами" терялись "и последние отличительные признаки новгородского говора от владимирского", а пермское Зауралье "по наречию" автор относил к Сибири. "Здесь постепенно, — заключал он относительно последней области, — новгородский и суздальский говоры сливаются, и смесь эта не представляет столько особенностей, чтобы ее можно было обозначить своим наречием". В Оренбургской губернии, заселенной на протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX в. выходцами из "двадцати губерний", "общего наречия" у русских также не было²⁵.

Таким образом, русская этнокультурная традиция на востоке страны развивалась, обогащалась, эволюционировала, приспосабливаясь к местным условиям жизни. При этом на Урал и в Сибирь она была занесена во всех главных своих вариантах. Однако в силу ряда причин новых ее региональных вариантов к середине XIX в. на рассматриваемой территории не сложилось; процесс ограничился формированием значительного числа мелких локальных этнографических групп.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. — М., 1973. — С.7-68; Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII — первая половина XIX в. — М., 1984. — С.37-39; Лебедева А.А. Русские Притоболья и Забайкалья. — М., 1992. — С.14-24.
2. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. — М., 1992. — С.156.
3. Бахрушин С.В. Науч. тр. — М., 1995. — Т.3. — Ч.1. — С.160.
4. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. — М., 1972. — С.68; История Урала с древнейших времен до 1861 г. — М., 1989. — С.152, 175-180.
5. Словоцков П.А. Историческое обозрение Сибири. — Спб., 1886. — Кн.1. — С.78-79.
6. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. — Новосибирск, 1988. — С.26.
7. Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века. — Пермь, 1991. — С.15, 17.
8. Никитин Н.И. Служилые люди... С.26-27; Курилов В.Н., Люцидарская А.А. К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. — Новосибирск, 1966. — С.28; Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (Состав, занятия и повинности). — Томск, 1980. — С.102-103.
9. Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири // Известия Ин-та исследования Сибири. — Томск, 6/г. — № 6. — Труды историко-этнографического Отдела. — № 1. — С.21, 23.
10. Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация... — С.92-92; Павлуцких Г.Г., Меншиков В.В., Никитин В.А. Заселение Южного Зауралья в XVII-XIX вв. — Курган, 1992. — С.34-63; Григорьев А.Д. Устройство и заселение... — С.25.
11. Зеленин Д.К. Кое-что о сказочниках и сказках Екатеринбургского уезда Пермской губернии // Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д.К.Зеленина. — М., 1991. — С.12-14.
12. Григорьев А.Д. Устройство и заселение... С.1.
13. Список населенных мест по сведениям 1859 года. Томская губерния. — Спб., 1868. — С. LXIX.
14. Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы. Путевые заметки // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр.соч. в 12-ти т. — Свердловск, 1951. — Т.12. С.167, 170-171.
15. Щапов А.П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения // Русское слово. — 1865. — № 2. — С.82, 90.
16. См.: Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. — М., 1974. — С.9-11.
17. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. — М., 1987. — С.58.
18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1978. — Т.1. — С. LXVI-LXVII.
19. Русские старожилы Сибири. С.166.
20. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. — Т. XVI. Западная Сибирь. — Спб., 1907. — С.228-229.
21. Там же. С.222; См. также: Этнография восточных славян... С.61.
22. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья... — С.270-275.
23. Чагин Г.Н. Культура и быт... — С.18.
24. Зеленин Д.К. Избран. труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913. — М., 1994. — С.65-72.

N.A. Minenko

The Russian ethno-cultural tradition in the east of Russia (the 18-th — the 1-st half of the 19th centuries)

Summary

The Russian cultural tradition had been settled down in the Urals and Siberia by out-migrants from European Russia. Because of an active colonization drive to the East was taken part by comers from the various ethnographic zones, in particular, of the North, South and Middle Russias, that tradition appeared to be represented by all the above mentioned variants in the mid-19th century. Their interplay, as well as the contacts with the other traditions (those of non-Russian migrants and natives), led to the intensive development and enrichment of the traditional Russian culture. Nevertheless, because of great territorial extension, divergence of local natural, economic and ethnic conditions, variety of colonization patterns in the Urals and Siberia, there had no been signs that new regional variants of the Russian ethno-cultural tradition (like those of the North, South and Middle Russias) emerged during the period. The result was the rising of the numerous small-scale local ethnographic groups.

**Е.Т.Артемов С.П.Постников
(Екатеринбург)**

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФАКТОР
САМОИНДЕНТИФИКАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА**

Еще совсем недавно отправной точкой размышлений о судьбах России являлась постановка вопросов "кто виноват" в наших трудностях и "что делать". Казалось, что их решение откроет достаточно безболезненный выход из назревавшего в стране кризиса. Надежды внушала и простота ответов, предложенных и принятых общественным мнением: наши беды от семидесятилетнего господства коммунистического режима; стоит отбросить его наследие и все образуется.

К сожалению, эти ожидания не оправдались. Разрушение старых политических структур и экономических механизмов, девальвация прежней системы ценностей не привели к стабилизации обстановки. Продолжается падение производства, снижается уровень жизни большинства населения. Однако главное даже не в этом. Ухудшение социально-экономической ситуации еще можно отнести на счет неизбежных издержек радикальных реформ. Но как быть с нарастающей поляризацией общества? Сегодня она достигла уже угрожающих масштабов. Не случайно многие исследователи оценивают нынешнюю Россию как внутренне расколотую страну с непредсказуемыми перспективами. И, видимо, истоки такого раскола лежат не только в нашем недавнем прошлом.

В этом отношении интересно распространенное суждение о циклическом характере Российской истории: через "смуту" к подъему, результаты которого используются для государственной экспансии, и опять к развалу от перенапряжения сил. Причем противоречия внутри общества решаются не на основе компромиссов, сотрудничества, а подавляются, при соответствующем идеологическом обосновании, силой. Отсюда напрашивается вывод, что существует два наиболее вероятных выхода из сложившейся ситуации. Первый означает возврат к неототалитаризму и воссоздание в той или иной форме советской империи. Второй — фактический распад Российского государства, создание на его территории совокупности независимых образований с уже иными политико-идеологическими установками и социокультурными ориентациями.

Так ли это на самом деле? Действительно ли Российскому государству предопределен имперский путь развития со всеми вытекающими отсюда пагубными последствиями для своего народа и проблемами для мирового сообщества? Есть ли приемлемые альтернативы такому варианту и при каких условиях они могут быть реализованы? Вот, пожалуй, какие вопросы сегодня требуют первоочередного ответа.

Его поиски может облегчить обращение к недавней истории — истории распада Советского Союза. Неожиданно оказалось, что ни прочные экономические связи ("единый народнохозяйственный комплекс"), ни хорошо отлаженные государственные институты не смогли блокировать центробежные тенденции. Стоило только развенчать идейно-политические конструкции, выполнявшие в советском обществе роль мобилизующих идеалов, и империя развалилась. Следовательно, ни экономическое, ни политико-правовое единство не гарантирует